

Николай Михайлович Карамзин

Мысли об уединении

Николай Михайлович Карамзин

Мысли об уединении

«...Временное уединение есть также необходимость для чувствительности. Как скупец в тишине ночи радуется своим золотом, так нежная душа, будучи одна с собою, пленяется созерцанием внутреннего своего богатства; углубляется в самое себя, оживляет прошедшее, соединяет его с настоящим и находит способ украшать одно другим. – Какой любовник не спешил иногда от самой любовницы своей в уединение, чтобы, насладившись блаженством, в кротком покое души насладиться еще его воспоминанием и на свободе говорить с сердцем о той, которую оно обожает...»

**Николай Михайлович
Карамзин
Мысли об уединении**

Некоторые слова имеют особенную красоту для чувствительного сердца, представляя ему идеи меланхолические и нежные. Имя уединения принадлежит к сим магическим словам. Назовите его – и чувствительный воображает любезную пустыню, густые сени деревьев, томное журчание светлого ручья, на берегу которого сидит глубокая задумчивость с своими горестными и сладкими воспоминаниями!

Но участь нежных сердец есть обманываться! Как в любви и в дружбе редко находят они исполнение надежд своих, так и самое уединение не отвечает их ожиданиям; цветы его благоухают в воображении и вянут в грубом элементе сущности.

Быть счастливым или довольным в совершенном уединении можно только с неистощимым богатством внутренних наслаждений и в отсутствии всех потребностей, которых удовлетворение вне нас; а человек от первой до последней минуты бытия есть существо зависимое. Сердце его образовано чувствовать с другими и наслаждаться их наслаждением. Отделяясь от света, оно иссыхает, подобно

растению, лишенному животворных влияний солнца.

Чувствительный воображает благоприятным для уединения то время, когда человек, сто раз обманутый в своих милых надеждах, перестает наконец желать и надеяться: тогда уединение кажется единственною его оградою, единственным верным пристанищем на океане беспокойной жизни; там, в тишине и мраке лесов, он будет жить и чувствовать с одною природою; там, с горестию вспоминая жестокую холодность людей, он утешится мыслию, что сердце его не подобно их сердцу; там, вдыхая в себя свежий воздух пустыни, добродушный мизантроп скажет: «Он не ядовит: в нем нет дыхания пороков!»

Сладкая меланхолическая мысль, поэзия воображения, и ничего более! Нет, оскорбленная чувствительность не найдет себе утешителя в пустыне. Жизнь сердца есть любовь, желание, надежда, которых предмет бывает только в свете. Природа нема для холодного равнодушия. Ее картины и феномены без отношений к миру нравственному не имеют никакой живой прелести. Можем ли пленять-

ся торжественным восходом солнца, или кротким светилом ночи, или песнию соловья, когда солнце не освещает для нас ничего милого; когда мы не питаем в себе нежности под нежным влиянием луны; когда в песнях Филомелы не слышим голоса любви?

Забвение света, о котором так часто говорят мизантропы, есть только одно слово без всякого истинного значения. Какая мысль останется в душе, если она забудет свет? А вспоминая его, скоро начнем жалеть об нем: ибо воспоминание есть самое льстивое зеркало: оно украшает предметы. Так все, что давно миновалось, от времени кажется нам любезнее. Случаи жизни в памяти нашей теряют примесь неудовольствий, подобно как металл теряет примесь нечистоты в горниле – и добродушный пустынный или возвратится в свет, или за упрямство будет наказан вечным сожалением.

Нет, нет! Человек не создан для всегдашнего уединения и не может переделать себя. Люди оскорбляют, люди должны и утешать его. Яд в свете, антидот[1] там же. Один уязвляет ядовитою стрелою, другой вынимает ее из

сердца и льет целительный бальзам на рану.

Но *временное* уединение бывает сладостно и даже необходимо для умов деятельных, образованных для глубокомысленных созерцаний. В сокровенных убежищах природы душа действует сильнее и величественнее; мысли возвышаются и текут быстрее; разум в отсутствие предметов лучше ценит их; и как живописец из отдаления смотрит на ландшафт, который должно ему изобразить кистью, так наблюдатель удаляется иногда от света, чтобы тем вернее и живее представить его в картине. Жан-Жак Руссо оставил город, чтобы в густых тенях парка размышлять об изменениях человека в гражданской жизни, и слог его в сем творении имеет свежесть природы.

[2]

Временное уединение есть также необходимость для чувствительности. Как скупец в тишине ночи радуется своим золотом, так нежная душа, будучи одна с собою, пленяется созерцанием внутреннего своего богатства; углубляется в самое себя, оживляет прошедшее, соединяет его с настоящим и находит способ украшать одно другим. – Какой любов-

ник не спешил иногда от самой любовницы своей в уединение, чтобы, насладившись блаженством, в кротком покое души насладиться еще его воспоминанием и на свободе говорить с сердцем о той, которую оно обожает? По крайней мере чувствительные женщины должны иногда отсылать любовников в уединение, которое своими размышлениями и мечтами питает страсти.

Дидерот, всегда пылкий, но не всегда основательный, сказал, что один злой человек любит удаляться от людей, – сказал для того, что хотел оскорбить Жан-Жака. Нет, уединение есть худой товарищ для нечистой совести, и злые мысли никогда не произведут той сладостной задумчивости, которая есть прелесть уединения. Чтобы приятно беседовать с собою, надобно быть добрым; надобно иметь любезную ясность души, которая несовместна с ядовитою злобою.

Всем рожденным с некоторою особенною живостию воображения, всем *эпикурейцам чувствительности* советую иногда вдруг из шумного многолюдства переходить в глубокую тишину уединения, которое производит

тогда неизъяснимое в нас действие. Например, кто, оставляя великолепный бал, где, по словам Делиля, «блистают красотой, одеждою, умом», выезжает за город и входит один в ночной мрак леса, тот чувствует в себе какую-то новую, тайную силу души, никогда не возбуждаемую светом и его явлениями. Такие противоположности разительны и могут быть источником живых удовольствий. «Величественный шум дерев, качаемых ветром над моею головою (говорит один писатель), есть мистический язык природы, который бывает для меня священнее *после городского шума*».

Скажем наконец, что уединение подобно тем людям, с которыми хорошо и приятно видеться изредка, но с которыми жить всегда тягостно уму и сердцу!

Комментарии

1

Антидот — противоядие.

[^^^]

Жан-Жак Руссо оставил город, чтобы в густых тенях парка размышлять об изменении человека в гражданской жизни, и слог его в сем творении имеет свежесть природы. – В начале 60-х годов, после отъезда из Парижа, Руссо гостил в поместье герцога Люксембургского в Монморанси и в имении принца Конти. В долине Монморанси написан роман «Эмиль, или О воспитании» (1762), на последних страницах которого конспективно излагалось содержание социологического трактата Руссо «Общественный договор» (написанного тогда же). Карамзин, видимо, имеет в виду этот роман.

[^^^]